

ΠРОТО / МЕТА / УЛЬТРА / ПОСТ: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОГУМАНИТАРИСТИКА В ПОИСКАХ КОНЦЕПТА

УДК 101.1; 140.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

Е.Э. Дробышева

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Аннотация. Социальное и философское конструирование рассматривается через призму языкового опыта в части поиска актуального концепта для обозначения формирующейся социокультурной реальности. Анализируется опыт выстраивания парадигмы понимания и (само)описания различных культурно-исторических эпох, центрированный базовым представлением о «модерне» как точке исторического и аналитического отсчета. Подчеркивается, что трудности выработки универсального понятия, устраивающего теоретиков и практиков в сфере науки, образования, культурного производства и креативных индустрий, связаны со сложностью текущего исторического момента и трудно прогнозируемым характером взаимодействия множества факторов. Поиски путей реактуализации основ национальной и религиозной идентичности сопровождаются укреплением позиций параллельной повестки – практик гендерного и субкультурного самоопределения. Протомодерн, ультрамодерн, постмодерн, постпостмодерн, метамодерн оцениваются как репрезентанты соответствующих периодов исторического развития, выполняющих функции определения культурных парадигм и позволяющих как исследовать имманентные архитектонической логике текущие процессы, так и прогнозировать возможные ее трансформации, роль акторов грядущих исторических перемен и ценностно-смысловые основания их деятельности. На данный момент максимально примиряющим исследователей-гуманитариев рабочим понятием является «метамодернизм» (Р. ван ден Аkker, Т. Вермюлен, 2010). Очевидна необходимость поисков альтернативного концепта, не связанного с отсылкой к модерну как базовой культурной парадигме, что обусловлено ограниченностью лексического поля и смыслового горизонта, заданного словотворчеством, основанным на формально-содержательной языковой игре с понятием «модерн». Предлагается обратиться к осмыслиению ведущей роли таких аспектов и феноменов социокультурного процесса, как актуальная модель рациональности, технико-технологические параметры существования социума, а также – особенности коммуникативных практик. Возможные акценты могут быть связаны с цифровизацией всех социокультурных процессов, новой версией гуманизма и парадигмой Нового Просвещения.

Ключевые слова: архитектоника культуры, концептуальное поле социогуманитаристики, социально-философское конструирование, аксиосфера, одиннадцатый тезис о Фейербахе, постмодернизм, метамодернизм, цифровая эра, техногуманизм, Просвещение 3.0.

ДРОБЫШЕВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры балет-мейстерского образования, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

DROBYSHEVA ELENA EDUARDOVNA – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Ballet Master Education, Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova

© Дробышева Е. Э., 2024

Для цитирования: Дробышева Е. Э. Прото / мета / ультра / пост: современная социогуманистическая в поисках концепта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 6–13. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

PROTO/ META / ULTRA / POST: SOCIOHUMANITARIANISM IN SEARCH OF A CONCEPT

Elena E. Drobysheva

Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova,
Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Abstract. Social and philosophical construction is considered through the prism of linguistic experience in terms of the search for an actual concept to denote the emerging socio-cultural reality. The experience of building a paradigm of understanding and (self)descriptions of various cultural and historical epochs, centered on the basic idea of “modernity” as a point of historical and analytical reference. It is emphasized that the difficulties of developing a universal concept that suits theorists and practitioners in the field of science, education, cultural production and creative industries are associated with the complexity of the current historical moment and the difficult to predict nature of the interaction of many factors. The search for ways to reactualize the foundations of national and religious identity is accompanied by the strengthening of the positions of a parallel agenda – the practices of gender and subcultural self-determination. Proto-modern, ultramodern, postmodern, post-postmodern, metamodern are evaluated as representatives of the corresponding periods of historical development, performing the functions of defining cultural paradigms and allowing both to explore the current processes inherent in architectonic logic and to predict its possible transformations, the role of actors of future historical changes and the value-semantic foundations of their activities. At the moment, the most reconciling working concept for humanitarian researchers is “metamodernism” (R. van den Acker, T. Vermeulen, 2010). There is an obvious need to search for an alternative concept that is not associated with a reference to modernity as a basic cultural paradigm, which is due to the limited lexical field and semantic horizon set by word creation based on a formal and meaningful language game with the concept of “modern”. It is proposed to turn to the understanding of the leading role of such aspects and phenomena of the socio-cultural process as the current model of rationality, the technical and technological parameters of the existence of society, as well as the features of communicative practices. Possible accents may be associated with the digitalization of all socio-cultural processes, a new version of humanism and the paradigm of the New Enlightenment.

Keywords: architectonics of culture, conceptual field of socio-humanitarianism, socio-philosophical construction, axiosphere, eleventh thesis about Feuerbach, postmodernism, metamodernism, digital era, technohumanism, Enlightenment 3.0.

For citation: Drobysheva E. E. Proto/ meta / ultra / post: sociohumanitarianism in search of a concept. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 6–13. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-6-13>

Социогуманистическая в любую эпоху находится на «передовой» относительно метафизических / экзистенциальных / идеологических исканий – артикуляции основ социальной / культурной / религиозной идентичности, поисков национальной идеи, раз-/до-/переработки культурного кода т. п. Отсюда

вытекают соответствующие задачи и возможности прогностического характера. Социокультурное и философское конструирование составляет важнейший трек для так называемых общественных наук, что в современной нам реальности усложняется многоаспектным и зачастую с трудом прогнозируемым харак-

тером взаимодействия факторов экономического, геополитического, цивилизационного, технико-технологического характера.

Исходным этапом прогнозирования является выбор базового концепта, максимально точно определяющего контуры воображаемой социальной реальности – от ценностных и экзистенциальных исходных до формально-структурных параметров. Аксиосфера того или иного историко-культурного периода включает в себя, помимо базовых представлений об Истине, Красоте и Добре, ориентацию на чаемую модель Будущего. Футурология как научный дискурс в нашей стране является почти маргинальной; гораздо более значимую культуротворческую ценность представляют художественные практики визионерской направленности – литература, кинематограф, театральное искусство, в этом заключается специфика русского культурного кода.

Если говорить именно о научном дискурсе, то здесь поиски определений эпохи, формирующейся на наших глазах, в основном предполагают опору на «модерн»: метамодерн / трансмодерн / ультрамодерн / постпостмодерн. Такая ограниченность концептуальной фантазии объясняется, с одной стороны, объективным фактом того, что радикальной смены культурной парадигмы пока не происходит, с другой – емкостью самого понятия «модерн». При этом любые вариации на тему «современности» априори обречены на размытость границ ее толкования и необходимость достижения конвенционального согласия исследователей, как минимум. Ведь несовременных феноменов не бывает, все чему-то соответствует, чему-то кратно в тот или иной исторический момент. Работа с этим «коварным» понятием для исследователя всегда сопряжена с поисками концептуальных оснований и выбором точного термина.

В 2017 году терминологические споры о границах понятий «современное искусство» / «актуальное искусство» получили формальную «огранку» со стороны Министерства культуры Российской Федерации. За подписью зам. министра В. Аристархова в органы управления культурой исполнительной власти субъектов

РФ и в подведомственные организации Минкультуры России (учреждения, занимающиеся исследованиями и организацией художественной жизни) был разослан циркуляр: «В целях соответствия Основам государственной культурной политики, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808» рекомендовалось «обеспечить наименование проводимых мероприятий согласно нормам современного русского языка». В том числе подчеркивалось, что необходимо «правильно» употреблять следующие термины: «современное искусство – искусство, создаваемое нашими современниками вне зависимости от того или иного художественного направления или формы выражения; актуальное искусство – искусство, содержащее в себе смыслы, в которых нуждается современное общество, имеющее существенное значение в современную эпоху, вне зависимости от времени создания» [17].

Оставив в стороне (современную? актуальную?) чиновничью инициативу, отметим лишь то обстоятельство, что необходимость схватывания сути современности, определения ее сущностных и формальных границ является базовой интенцией любой социокультурной общности. Эта фундаментальная задача, онтологическая по своей сути, влечет за собой разработку релевантных культурных стратегий. Осмысление актуального состояния параметров архитектоники текущей культурной эпохи всегда в тренде. Постмодернизм, перестав быть концептуально убедительным, постепенно мифологизируется, чередуя самомуификацию и самолюбование. Теория метамодернизма, едва появившись в 2010-х, получила горячее одобрение жаждущей новой метафизики аудитории и, по меньшей мере, украшает современный культурфилософский лексикон.

От философов сегодня ждут реальных действий в рамках аналитики, прогнозирования, консалтинга в сфере политики, бизнеса, культурных проектов. Одиннадцатый тезис работы Карла Маркса о Фейербахе (1845 г.), ставший хрестоматийным «мотиватором», сам по себе также является предметом размышлений о «современности» и непреходящей «актуальности»,

задавая при этом интеллектуальные стратегии уже на протяжении почти 180-ти лет: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [10, с. 569]. В дискурсе трактовки данного тезиса отметилось большое количество мыслителей, исходящих из их собственных концепций и особенностей соответствующего исторического контекста. Маркс оставил по-следующим гуманитариям своего рода «завещание», содержащее требование «превратить расшифровку (интерпретацию) в преобразование, которое “изменит мир”» [6, с. 51–52]. По мнению Алана Бадью, философия сама по себе не производит истину, но обеспечивает процедуры ее согласования и философского осмысливания [2]. Производство же той или иной истины обеспечивается непротиворечивой синергийностью политических, поэтических, научных и антропологических процедур. Таким образом, политическая или научная практика невозможна без согласования с художественным и / или гуманитарным дискурсом. В свете «теории перформативных актов», – полагает В. Е. Семенков, «проект Маркса предполагал философию именно как новую философскую практику, практику перформативных высказываний относительно сферы политики» [15].

Современный нам культурный процесс, включающий художественные и политические стратегии, а также поиски актуальных вариаций на тему основ идентичности, в том числе гендерной, во многом задан перформативностью. Согласно теории британского ученого Джона Остина, это понятие возникло изначально в философии языка. Цикл его лекций «How to do things with words» был прочитан в Гарварде в 1955 году, результатом чего в научный оборот было введено понятие «перформативное высказывание». Под такими высказываниями Остин разумеет, по-видимому, те, что и «меняют в итоге мир», согласно «завещанию» Маркса. Он анализирует речевые акты, структурирующие социальную реальность, несущие в себе потенциал ее переформатирования. Автор иронизирует: «Нет никаких сомнений в том, что существует великое разнообразие способов использования языковых выражений.

<...> Философы склонны говорить о бесконечном количестве таких способов, остановившись в их подсчете приблизительно на числе семнадцать» [12, с. 263]. В качестве наиболее репрезентативных философских теорий, форматирующих пространство, Остин называет «теории верификации» и «теории способов использования», отмечая: «Никто не сможет отрицать, что вкупе они привели к настоящей революции в философии и представляют собой наиболее знаменательные явления в ее истории» [12, с. 264]. Представляется, что удачно найденный концепт типа «метамодернизма» очевидно порадовал бы британского исследователя, живи он сейчас и размышляя на темы поисков актуальной социокультурной парадигмы. Ведь перформативные высказывания – не будучи истинными или ложными – сильны тем, что человек, произносящий их «не просто говорит нечто, но делает нечто» [ibid.]. Найденную нами параллель между перформативностью современности в контексте «интеллектуального завещания» Карла Маркса мы находим у Жака Деррида, который предлагает «неортодоксальное определение перформатива – как с точки зрения теории речевых актов, так и с точки зрения XI Тезиса о Фейербахе» [6, с. 79]. Философский текст, по его мнению, должен порождать новые Тексты – как в литературе и науке, так и в искусстве и политике. Деррида пишет: «Мы готовы принять возвращение Маркса или возвращение к Марксу, лишь бы умолчать о том, что Маркс заповедовал не просто расшифровать свои тексты, но еще и действовать или превратить расшифровку (интерпретацию) в преобразование, которое “изменит мир”» [6, с. 51–52].

Так в свое время понятие *постмодернизм* стало не просто констатацией и обозначением радикально нового умонастроения, но и задало множество длинных и коротких трендов социокультурного развития. «Когда я говорю: “Я называю это судно «Королева Елизавета»», я не описываю церемонию наименования, но тем самым, собственно, именую», – пишет Остин [12, с. 264]. Наименование совпадает с действием, именно поэтому в работах, посвященных социальному и философскому конструированию будущего, так важен выбор дискурса и вокабуларя.

Перформативный поворот в культуре XX века (наряду с интерпретативным, рефлексивным, постколониальным, переводческим, пространственным и пикториальным / иконическим) в своей концепции выделяет Дорис Бахманн-Медик. Автор анализирует «сложную конфигурацию современных наук о культуре, которая начинает складываться со второй половины XX века и продолжает менять свои контуры по сей день» [3, с. 5]. Семь парадигмальных смен исследовательского фокуса, или «культурных поворотов», маркируют историю архитектонических подвижек социального пространства, позволяя проследить культурную логику и вступить на путь визионерства, футурологии, философского конструирования. Перформативный поворот напрямую связан с теми процессами, которые являются объектом рассмотрения в рамках данной статьи. Разумеется, для более специализированного дискурса следует различать «искусство перформанса» и «перформативные искусства», но в целом речь идет о легитимации языковых треков в рамках актуальных художественных, научных или синтетических практик, наподобие Art&Science, Site-Specific Art, etc.

Перформативность «вшита» и в программу метамодернизма, так как в качестве важнейшего модуса существования пространства перформанса следует отметить неустойчивость, антиканоничность, мерцание его структурных оснований. Именно поэтому перформанс – не танец и не театр, а разворачивание художественного высказывания в зазоре «между». Апологетика «культуры присутствия», представленная Х. У. Гумбрехтом («всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие присутствующих объектов на человеческие тела»), связана как раз с природой перформанса, позволяющего «твердо выступить против склонности современной культуры оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии» [5, с. 10–11]. Осцилляция между *культурой присутствия* и *культурой значения* обеспечивает метамодернистской парадигме стать (быть) рупором различных

слоев акторов производства / продвижения / потребления культурных объектов.

В многочисленной уже на сегодняшний день литературе о постмодернизме приводятся этапы формирования его парадигмальных рамок и история появления самого термина. В этой связи упоминаются работы теоретиков, представляющих различные области социогуманитаристики XX века – истории, литературоведения, философии – Арнольда Тойнби, Рудольфа Паннвитца, Федерико де Ониса, где понятие «постмодернизм» трактовалось тем или иным образом задолго до появления эпохи, чье «состояние» и концептуальная программа были уже максимально точно описаны Жаком Деррида, Жилем Делёзом, Франсуа Лиотаром, Умберто Эко, Юлией Кристевой и др. Причем Лиотар, как и упомянутые выше предшественники постмодерна как такового, имеет в виду «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века», что было презентовано на примере «кризиса рассказов». И если постмодерн, «упрощая до крайности», Лиотар называет «недоверием по отношению к метарассказам», включающее «потерю своих функций: великого героя, великие опасности, великие кругосветные путешествия и великую цель» [9, с. 9–10], то «языковые игры» формирующими на наших глазах эпохи имеют еще более сложносочиненную структуру и размытые векторы развития. А философ, который в отличии от эксперта, «знающего то, что он знает и что не знает» [9, с. 12] (курсив мой – Е.Д.), ведя свою языковую игру, не всегда претендует на истинность; в итоге ситуация с прояснением базового концепта эпохи выглядит увлекательным квестом или квизом.

Предложенный нидерландскими исследователями Р. Ван ден Аккером и Т. Вермюленом концепт «метамодернизм» сегодня является актуальным (но пока не вполне воспринятым и проработанным) рабочим концептом в социогуманитарном пространстве. Польза от него уже хотя бы в том, что компромиссно снимается немыслимая для рефлексии в силу метафизической беспомощности «постпостмодерная» ситуация. А. Павлов в масштабном исследова-

нии, посвященном терминологическим поискам способов (само)описания эпохи, предпринятым социогуманитаристикой последней трети XX – начала ХХ вв., исследует «концепции разных масштабов и разной популярности – гипермодернизма, постгуманизма, сверхмодернизма, трансмодернизма, неомодернизма, альтермодернизма, перформатизма, реновализма, космодернизма, метамодернизма, автомодернизма, диджимодернизма, реалистического капитализма и т. д.» [13]. Все эти метания в поисках точного концепта и «трудности перевода», то есть сложности обретения конвенционального единства, объясняются, с одной стороны, сложностью описываемой эпохи, с другой – состоянием актуального научного знания, отказывающегося от диктата какой-либо академической теории. Но совершенно очевидно, что культурфилософский потенциал «постпостмодернизма» даже не подлежит обсуждению: дурная бесконечность концептуально слабого словотворчества и апофатический раж ведут в тупик.

Понимаемый как «маятник», «бытие между» и «после», метамодернизм тем самым активно ускользает от о-пределения его границ, о чем, собственно, и пишут авторы программного труда: «Метамодернизм – как структура чувства и культурной логики – развивается через систематическое прочтение тенденций, доминирующих в современных творениях искусства и культуры», а сами тенденции заключаются «в их настойчивом отказе от примирения, в их скользком характере». Поэтому данная «эвристическая метка и термин, обеспечивающий разбиение на периоды, характеризуется скорее колебаниями, а не синтезом и гармонией». Осцилляция смыслов, парадигм и паттернов репрезентирует ситуацию, когда «диалектика снова пришла в движение» после постмодернистского отказа от нее [11, с. 41].

Обращение к модусу «междubyтия» периодически встречается в трудах мыслителей, привлекая возможностями нюансировки в аналитике подвижных феноменов социокультурной архитектоники. Так, например, исследователи проводят параллели между творчеством Ханны Арендт и Альбера Камю: «Простран-

ство “между”, которое устанавливается героями романа в процессе их борьбы с эпидемией, напоминает трактовку Арендт мира как общего места для речей и поступков, связывающего всех участников без ущерба для автономии каждого». Тенденция «разрушения множественности, необходимой для существования человечества» [8, с. 161], чередуется с этапами, когда властвует вектор противоположный.

Как полагает исследователь «пути от классики к постмодерну» В. А. Бачинин, «социокультурная триада классики, модерна и постмодерна подчинена историческому ритму маятниковых колебаний (курсив мой – Е. Д.)». Классика (=нормативность) и модерн (=анормативность) – это базовые опорные точки, а протомодерн и постмодерн – промежуточные на пути движения культурной логики от первой формы ко второй и, соответственно, назад. Протомодерн у Бачинина – «маргинальная стилевая форма», содержательно обеспеченная при этом трудами Гегеля, Бальзака, Золя, Достоевского. Мир этой эпохи – одновременно и «сумма классики» (по аналогии с «Суммой теологии» Аквината), и пролегомены к модерну. По аналогии, и постмодерн в данной концепции – «переходный, маргинальный период постепенного расставания социума, цивилизации, культуры с модерном, как пора обнаружившегося тяготения культурного сознания к ценностям и нормам классической эпохи» [4, с. 16–22]. По такой логике метамодерн, также подчиненный «маятниковым колебаниям», пока тоже в корне не отличается от постмодерна. А приписываемых ему характеристик типа «новой искренности» и «постстиронии» на данный момент пока недостаточно для демаркации культурно-исторических периодов, претендующей на эпохальность.

Реально «в моменте», когда готовилась данная статья, в Сети Интернет был опубликован новый текст Джорджа Агамбена, анализирующий «опыт языка как политический опыт» [1] и корреспондирующий с нашим дискурсом. Влиятельный современный мыслитель задается вопросом: «Как можно было бы по-настоящему изменить общество и культуру, в которой мы живем?» и, разуме-

ется, приходит к анализу языка как важнейшего инструмента культуры, как нашего ежедневного опыта, скрытого от нас, но требующего рефлексии и постоянного утверждения его фундаментальной значимости. Он пишет: «Мы должны попытаться с нуля переосмыслить то, что мы делаем, когда говорим, погрузиться в эту непрозрачную область и задать себе вопросы не о грамматике и словарном запасе, а о том, как мы используем свое тело и голос, в то время как слова, кажется, исходят из нашего тела и слетают с губ почти сами по себе. Тогда мы увидели бы, что в этом опыте на карту поставлено открытие мира и наших отношений с нашими собратьями и что, следовательно, языковой опыт является в этом смысле наиболее радикальным политическим опытом» [1]. Современный философский текст призван стать «плацдармом для других голосов. <...> Именно это позволяет воспринять его как акт или событие» [15].

Реальность становления метамодернизма как нового этапа, идущего на смену постмодернизму во всей полноте его теорий и практик, становится все более отчетливой. Пока концепция метамодернизма находится в зачаточном состоянии, только-только начинает осознаваться «поворот Истории и связанное с ним “ощущение поворота”, которые призваны определить современную культурную продукцию и политический дискурс» [7, с. 109]. Но уже понятно, что мы находимся в мощном трансформационном потоке, сопровождающемся архитектоническими подвижками – как в аксиологическом, технологическом и институциональном планах. На данном историческом этапе на смену мировоззренческим и художественным доминантам в картине мира условного мирового социума очевидно пришла наука и разрабатываемые ею технологии. На днях научную общественность потрясла новость о расшифровке обугленного свитка папируса из Геркуланума. Текст греческого философа-эпикурейца Филодема весьма символично стал первым из целой библиотеки Виллы Папирусов, погребенной в 79 году н. э. под слоем пепла. Прорыв стал возможен именно благо-

даря технологиям Искусственного интеллекта. Вторая горячая новость – первый человек, которому вживили в мозг имплант Neuralink, смог управлять компьютерной мышью силой мысли.

В связи с этим предлагается сосредоточить поиски релевантного концепта для обозначения становящейся крупной культурно-исторической эпохи вокруг науки как аттрактора современной социокультурной реальности, нового типа научной рациональности (выразим надежду, что не *постпостклассического*, поскольку сейчас философия науки изучается в парадигме классическая – неклассическая – постклассическая) и, соответственно, в пространстве технологий, меняющих нашу жизнь буквально на глазах. Но бурные темпы развития ИИ уже сейчас пугают многих, поэтому параллельно должны укрепляться тренды нового гуманизма, осознанности, подлинности как ценности. *Цифровая эра* – с точки зрения технологической парадигмы, *Техногуманизм*, *Просвещение 3.0* – для обозначения мировоззренческой – могут стать таким рабочими концептами. Прогнозируем реактуализацию идеи гуманизма как единственной спасительной парадигмы коллективного мышления в условиях пролиферации вызовов среды – как внутренних, так и внешних. Если эпидемии, пандемии, землетрясения и другие природные катаклизмы сопровождали историю человечества на всем ее пути, то вызовы технико-технологического характера – реалии XX века и века нынешнего. Фантасты предсказывали и предсказывают, что человечество столкнется с невиданной по масштабам угрозой со стороны своего же детинца – плодов научно-технического прогресса. Современные гуманитарии размышляют о необходимости разработки «разных вариантов робоэтики, которые позволяют выстроить корректные отношения не только между людьми в новом цифровом мире, но и между человеком и машиной» [16, с. 38]. Техногуманизм и Новое Просвещение – возможная версия мировоззрения, обеспеченного коллективной осознанностью, фундирующей экзистенциальные и аксиологические векторы будущей социокультурной архитектоники.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Опыт языка как политический опыт // Центр политического анализа. [Электронный ресурс]. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/optyt-jazyka-kak-politicheskij-optyt>
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с франц. Б. Скуратова, К. Голубович. Москва: Издательство «Логос», 2005.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова, 2017.
4. Бачинин В. А. Сорок три тезиса на пути от классики к постмодерну // Серия «Symposium», Традиции и новации в современных философских дискурсах. Выпуск 14. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 14–26.
5. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2006.
6. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с франц. Б. Скуратова. Под общей ред. Д. Новикова. Москва: Logos-altera, издательство «Ecce homo», 2006.
7. Дробышева Е. Э. Очерчивая контуры метамодернизма // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 4 (45). С. 103–112.
8. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Кризис общности и перспективы его преодоления. Уроки Арендт и Камю // Человек. 2023. № 6. С. 161–177.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998.
10. Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс; [Подгот. к печати И. И. Прейс, А. А. Уйбо]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Москва: Госполитиздат, 1956.
11. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аkker: пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. Москва: РИПОЛ классик, 2020.
12. Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы / Пер. с англ. В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Алетейя, Изд. дом СПбГУ, 2006.
13. Павлов А. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. Москва: Издательство «Дело», 2024.
14. Рихтер Х. ДАДА – искусство и антиискусство. Вклад дадаистов в искусство XX века. Москва: Издательство «Гилея», 2018.
15. Семенков В. Е. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: новая наука или новая прагматика философии? // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». № 2. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/_2-2010/6302-odinnadcatyj-tezis-marksa-o-fejerbaxe-novaya-nauka-ili-novaya-pragmatika-filosofii.html?ysclid=lsda5x66an114514083
16. Синявина Н. В., Слепокуров В. С. О значимости гуманитарного знания на современном этапе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 34–40.
17. Современное искусство по Минкульту // Артгид. [Электронный ресурс]. URL: <http://artguide.com/posts/1298>.

*

Поступила в редакцию 19.04.2024